

Мистер Саттертуэйт нежился под лучами солнца на открытой террасе в Монте-Карло.

Каждый год во второе воскресенье января мистер Саттертуэйт, словно ласточка, отбывал из Англии на Ривьеру. В апреле месяце он возвращался в Англию, май и июнь проводил в Лондоне - и ни разу еще не пропустил Королевского Аскота <Королевский Аскот - проводимые с 1711 года в июне на ипподроме Аскот близ города Виндзора в графстве Беркшир четырехдневные скачки, которые являются крупным событием в жизни английской аристократии и на которых обычно присутствует монарх.>. После матча Итона с Хэрроу он наносил несколько деревенских визитов, чтобы затем вновь устремиться в Довиль или Ле Туке. Сентябрь и октябрь почти целиком занимала охота, и завершался год мистера Саттертуэйта в столице. Он знал всех, и не будет преувеличением сказать, что все знали его.

Сегодня утром он хмурился. Море было восхитительно синее, сады, как всегда, сказочно-красивы, но вот публика его разочаровывала - какая-то бесцветная, дурно одетая... Встречались, конечно, игроки - пропащие души, коих уже не спасти. С этими мистер Саттертуэйт готов был смириться: все же они составляли неотъемлемую часть местного колорита. Но ему определенно недоставало людей собственного круга, что называется закваски общества, élite <Элита (фр.)>.

- Ах, как все переменялось, - ворчал мистер Саттертуэйт. - Теперь сюда едут все, кому раньше было не по карману. Да и сам я уж, видно, старею... А молодежь - молодежь нынче норовит податься в Швейцарию.

Недоставало ему и безукоризненно одетых иноземных послов с графскими и баронскими титулами, и великих князей, и наследных принцев. Единственный наследный принц, которого он пока что здесь встретил, служил лифтером в одном из второсортных отелей. Недоставало роскошных дам: они еще встречались, но гораздо реже, чем прежде.

Мистер Саттертуэйт всегда прилежно изучал драму под названием Жизнь, но предпочитал костюмы и декорации поярче. Теперь он загрустил. Ценности изменились - а он уже слишком стар, чтобы меняться...

Тут он заметил, что к нему приближается графиня Царнова.

Мистер Саттертуэйт уже много сезонов встречал графиню в Монте-Карло. Сначала она появлялась в обществе великого князя, затем австрийского барона, в последующие несколько лет рядом с нею мелькали какие-то бледные крючконосые евреи с огромными перстнями на пальцах, и вот уже года два, как ее можно было увидеть с мужчинами - преимущественно очень молодыми, почти мальчиками.

Сейчас она тоже прогуливалась в сопровождении очень молодого человека. Мистер Саттертуэйт случайно его знал и огорчился, увидев в обществе графини. Франклин Рудж был американец, типичный выходец из какого-то западного штата: чрезвычайно любознательный, чрезвычайно невежественный, но вполне симпатичный. В нем забавно сочетались свойственные всем его соотечественникам практичность и идеализм. В Монте-Карло он приехал в компании молодых американцев обоего пола, весьма похожих друг на друга. Это был их первый выезд в Старый Свет, и они хвалили и критиковали все кругом без стеснения и без разбора.

Проживающие в отеле англичане им по большей части не нравились - как, впрочем, и они англичанам. Однако мистер Саттертуэйт - с гордостью называвший себя космополитом - отнесся к ним вполне благожелательно. Ему импонировала их напористость и прямота, хотя

некоторые их выходки иногда просто приводили его в ужас.

"Стало быть, Франклин Рудж и графиня Царнова, - усмехнулся он про себя. - Да, пожалуй менее подходящую компанию для юноши придумать трудно".

Когда парочка поравнялась с ним, мистер Саттертуэйт вежливо приподнял шляпу, а графиня кивнула, одарив его обворожительной улыбкой.

Графиня была высокая, ухоженная женщина. Волосы и глаза у нее были черны от природы, а брови с ресницами - такой невиданной черноты, какая природе и не снилась.

Мистер Саттертуэйт, знавший о женских уловках много больше, чем пристало знать мужчине, тут же воздал должное ее искусству макияжа: матовая сливочно-белая кожа не имела, казалось, ни единого изъяна.

Особенно эффектно выглядели едва заметные коричневые тени под глазами. Губы - не вульгарно-алые или малиновые, а изысканного цвета красного вина. На ней было нечто черно-белое, весьма смелого фасона, а в руках розовый зонтик того оттенка, какой считается наиболее выигрышным для цвета лица.

Франклин Рудж чуть не лопался от важности.

"Вот идет молодой глупец, - сказал себе мистер Саттертуэйт. - Впрочем, не мое дело давать ему советы, да он и не станет их слушать. Что ж, и мне в свое время приходилось платить за жизненный опыт".

И все-таки он испытал беспокойство, так как был уверен, что одной милой юной американке, приехавшей вместе со всей компанией, дружба Франклина Руджа с графиней вряд ли по душе.

Он уже собирался удалиться в противоположном направлении, когда заметил, что снизу по тропинке к нему поднимается упомянутая уже американка. На ней был хорошо сшитый строгий костюм с белой муслиновой <Муслин - разновидность тонкой хлопчатобумажной ткани.> блузкой и удобные туфли на низком каблуке. В руке она держала путеводитель. Иные ее соотечественницы, побывав в Париже, выезжают из него разодетые в пух и прах. Но не Элизабет Мартин: эта девушка "производила осмотр Европы" самым серьезным и добросовестным образом. Чувствуя в себе тягу к культуре и искусству, она твердо вознамерилась за те деньги, которыми располагала, узнать и увидеть как можно больше.

Впрочем, для мистера Саттертуэйта ее образ вряд ли ассоциировался с культурой или же искусством. Скорее всего, она казалась ему просто очень юной.

- Доброе утро, мистер Саттертуэйт, - сказала Элизабет. - Вы случайно не видели Франклина?.. То есть мистера Руджа?

- Видел, всего несколько минут назад.

- Вероятно, с его другом - графиней, - язвительно заметила девушка.

- М-м-м... Да, с графиней, - вынужден был признать мистер Саттертуэйт.

- Решительно ничего в ней не нахожу, - сердито объявила Элизабет. - А Франклин от нее

просто без ума. И чем она его прельстила?

- Она, мне кажется, держится очень мило, - уклончиво ответил мистер Саттертуэйт.

- Вы ее знаете?

- Немного.

- Я прямо беспокоюсь за Франклина, - пожаловалась мисс Мартин. - Обычно он ведет себя вполне разумно. Ни за что бы не подумала, что он способен увлечься этой сиреной. И главное, слова ему не скажи! Никого не слушает, тотчас лезет в бутылку... Скажите, правда хоть, что она графиня?

- Не могу утверждать наверняка, - ответил мистер Саттертуэйт. - Вполне возможно.

- Вот истинно английский ответ! - поморщилась Элизабет. - Знаете, что я вам скажу, мистер Саттертуэйт? В Саргон-Спрингсе, где мы живем, эта графиня смотрелась бы очень странна!

Мистер Саттертуэйт вполне это допускал и потому не стал говорить вслух, что здесь, в княжестве Монако, в отличие от Саргон-Спрингса, графиня вписывается в окружающую обстановку гораздо лучше, нежели мисс Мартин.

Так как он ничего не ответил, Элизабет направилась дальше, в сторону казино, а мистер Саттертуэйт присел на освещенную солнцем скамью. Вскоре к нему присоединился и Франклин Рудж.

Рудж был полон энтузиазма.

- Мне здесь ужасно нравится, - с восторгом наивности объявил он. - Да, сэр! Вот это настоящая жизнь - не то, что у нас в Штатах!

Пожилой собеседник обратил к нему задумчивое лицо.

- Жизнь в общем-то везде одинакова, - возразил он, впрочем, без особого воодушевления. - Она лишь рядится в разные одежды.

Франклин Рудж удивленно заморгал.

- Что-то я вас не пойму.

- И не поймете, - сказал мистер Саттертуэйт. - Для этого вам еще надо пройти долгий-долгий путь... Но, ради Бога, извините! Старикам не следует впадать в нравоучительный тон.

- А-а, пустяки! - Рудж рассмеялся, обнажив два ряда прекрасных зубов. - Зато казино почти не произвело на меня впечатления. Я думал, рулетка - это что-то совсем другое, что-то лихорадочное, волнующее... А оказалось - все довольно скучно и противно.

- Казино - жизнь и смерть для игрока, но зрителю смотреть там не на что, - сказал мистер Саттертуэйт. - Об азартных играх интереснее читать, чем наблюдать за ними.

Молодой человек кивнул.

- Вы, говорят, важная птица, да? - спросил он с такой наивной робостью, что сердиться на него было решительно невозможно. - Вращаетесь в обществе и знаете всех герцогинь, графов, графинь?

- Да, довольно многих, - сказал мистер Саттертуэйт. - А также евреев, португальцев, греков и аргентинцев.

- И аргентинцев? - растерялся мистер Рудж.

- Я просто хотел сказать, что я вращаюсь в английском обществе.

Франклин Рудж задумался.

- Вы, наверное, и графиню Царнову знаете? - спросил он после недолгого молчания.

- Немного, - ответил мистер Саттертуэйт, в точности как отвечал недавно Элизабет.

- Интереснейшая женщина!.. Сейчас все говорят, что аристократия в Европе вырождается. Не знаю, мужчины, может, и вырождаются, но женщины - никоим образом! Ну разве не счастье повстречать такое изысканное создание, как графиня? Умна, очаровательна, аристократка до кончиков ногтей. Ведь за нею поколения и поколения носителей культуры!

- Вот как? - сказал мистер Саттертуэйт.

- А разве нет? Знаете, из какой она семьи?

- Нет, - признался мистер Саттертуэйт. - Должен признаться, я очень мало о ней знаю.

- Она из Радзинских - это один из старейших родов Венгрии, - пояснил Франклин Рудж. - Она прожила такую необычную жизнь! Помните на ней длинную нитку жемчуга?

Мистер Саттертуэйт кивнул.

- Это ей подарил король Боснии за то, что она помогла ему вывезти какие-то секретные документы.

- Я слышал, что ее жемчуга - подарок от короля Боснии, - сказал мистер Саттертуэйт.

Он действительно не раз об этом слышал, так как давнишняя любовная связь этой дамы с Его Королевским Величеством до сих пор была у всех на устах.

- Так я вам еще кое-что расскажу.

Мистер Саттертуэйт слушал, и чем дольше слушал, тем больше восхищался богатым воображением графини Царновой. Это вам не какая-нибудь сирена, как выразилась Элизабет Мартин: на сей счет идеалист был достаточно проницателен. Нет, пройдя сквозь лабиринт дипломатических интриг, графиня осталась, как прежде, холодной и неприступной. Разумеется, враги не раз пытались ее оклеветать!.. Молодой человек трепетал при мысли о том, что ему удалось заглянуть в самое сердце старого режима, где в центре, в окружении принцев и советников, высилась загадочная фигура графини - гордой аристократки, вдохновительницы возвышенных романтических страстей.

- Но сколько же всего ей пришлось вынести от людей! - взволнованно продолжал молодой американец. - Поразительно, но ей ни разу в жизни не встретила женщина, которая стала бы ей настоящим другом, женщины всю жизнь были настроены против нее.

- Очень возможно, - согласился мистер Саттертуэйт.

- Ну, не подло ли с их стороны? - возмущался Рудж.

- Н-нет, - задумчиво произнес мистер Саттертуэйт. - Не думаю, чтобы это было очень подло. У женщин, знаете ли, обо всем свои понятия, нам не стоит вмешиваться в их дела. Пусть сами между собой разбираются.

- Не могу с вами согласиться, - живо возразил Рудж. - Ведь их недоброжелательность друг к другу есть величайшее из зол! Знаете Элизабет Мартин? Так вот, в принципе она со мной совершенно согласна - мы с нею часто говорили на эти темы. Она, конечно, еще девчонка, зато все понимает как надо. Но чуть доходит до дела - тут же выясняется, что она в точности такая же, как все. Прямо-таки взъелась на графиню, о которой знать ничего не знает, и слушать ничего не хочет, как я ни пытаюсь ей что-то втолковать. Разве так можно, мистер Саттертуэйт? Я верю в торжество демократии - а в чем она, демократия, если не в том, чтобы мужчины относились друг к другу как братья, а женщины - как сестры?..

Он взволнованно умолк. Мистер Саттертуэйт попробовал представить себе ситуацию, в которой между графиней и Элизабет Мартин могли бы возникнуть сестринские чувства, - но у него ничего не вышло.

- Графиня же, - продолжал Рудж, - в полном восторге от Элизабет и уверяет, что она совершенно очаровательная девушка во всех отношениях. Ну, скажите, о чем это говорит?

- Это говорит о том, - сухо ответил мистер Саттертуэйт, что она живет на свете гораздо дольше, нежели мисс Мартин.

Тут Франклина Руджа словно прорвало.

- А знаете, сколько ей лет? Так вот, она мне сама сказала. Представьте, не побоялась! Я ведь думал, что ей лет двадцать девять, а она призналась, что тридцать пять, хотя я у нее даже не спрашивал. Она не выглядит на свои года, правда?

Мистер Саттертуэйт, определявший для себя возраст графини где-то между сорока пятью и сорока девятью, лишь удивленно приподнял бровь.

- Не советую верить всему тому, что вы услышите в Монте-Карло, - пробормотал он.

Он достаточно повидал на своем веку, чтобы убедиться, что с юношами спорить бесполезно. Ведь если Франклину покажется, что его собеседник в чем-то не прав, он тут же набросится на него с отвагой молодого рыцаря - разве что собеседник сможет немедленно представить ему неопровержимые доказательства.

- А вот и графиня, - поднимаясь, сказал Рудж. Графиня приближалась к ним с ленивой грацией, которая ей так шла, и вскоре они сидели на скамейке уже втроем. С мистером Саттертуэйтом она держалась мило, но несколько отчужденно. Она очень изящно подчеркивала разницу между ним и собой, обращаясь к нему как к несравненно более компетентному старожилу Ривьеры и спрашивая его мнение по всем вопросам.

Она вела разговор тонко и умно. Уже через несколько минут Франклин Рудж почувствовал, что его ласково, но совершенно определенно просят удалиться, и графиня с мистером Саттертуэйтом остались *tete-a-tete* <С глазу на глаз (фр.).>.

Она сложила зонтик и принялась чертить им на земле какой-то узор.

- Мистер Саттертуэйт, вам, кажется, симпатичен этот мальчик?

Она проговорила это тихо, чуть ли не с нежностью в голосе.

- Славный юноша, - уклончиво ответил мистер Саттертуэйт.

- Да, очень, - задумчиво произнесла графиня. - Я успела многое рассказать ему о своей жизни.

- Вот как, - сказал мистер Саттертуэйт.

- Такие подробности я мало кому раскрывала, - мечтательно продолжала она. - Я ведь прожила очень, очень необычную жизнь, мистер Саттертуэйт. Со мною случались такие удивительные вещи, что кое-кто может" пожалуй, и не поверить.

Будучи достаточно догадливым, мистер Саттертуэйт без труда понял, к чему она клонит. В конце концов, все, что она наговорила Франклину Руджу, могло быть и правдой... Конечно, это маловероятно и в высшей степени не правдоподобно, но ведь возможно же... И ни один человек не может с полной определенностью сказать: "Это не так!"

Он промолчал, и графиня снова устремила мечтательный взор мимо бухты куда-то вдаль.

Внезапно мистер Саттертуэйт увидел ее в каком-то новом, странном свете. Он вдруг ясно осознал, что перед ним не хищница, а всего лишь жалкое, затравленное существо, отчаянно борющееся за место под солнцем. Он украдкой покосился на нее: зонтик был сложен, и в ярком свете солнца в уголках глаз видны усталые морщинки, на виске пульсирует тоненькая жилка.

Он все больше укреплялся в своем убеждении: эта женщина доведена до крайности и будет беспощадна к нему или к любому, кто посмеет встать между нею и Франклином Руджем. Но чего-то он все же не понимал. Ведь денег у нее должно быть достаточно: она всегда роскошно одета, у нее великолепные драгоценности. Значит, дело не в финансовых затруднениях... Может, любовь? Мистеру Саттертуэйту было доподлинно известно, что женщины ее возраста иной раз без памяти влюбляются в юношей... Что ж, возможно. И все-таки - что-то тут не так.

Он догадывался, что этим разговором *tete-a-tete* она бросает ему перчатку. В нем она усмотрела своего главного противника. Она, видимо, ждала, что он начнет нашептывать Франклину Руджу какие-нибудь гадости о ней. Нет уж, увольте, улыбнулся про себя мистер Саттертуэйт. Он стреляный воробей, он знает, в каких случаях лучше держать язык за зубами.

А вечером он снова повстречал ее в Серкль-Приве, за рулеткой.

Графиня делала ставку за ставкой, однако счастье ей не улыбалось. Она, впрочем, переносила неудачи с завидным *sang froid* <Хладнокровием (фр.).> старого игрока. Пару раз она ставила *en plein* <Полную ставку - ставку на номера (фр.).>, потом на красное, потом на вторую

дюжину, где немного выиграла, но тут же проиграла опять, потом шесть раз подряд на manque <Начало - на первые 18 номеров (фр.)>, но ей решительно не везло. Наконец, равнодушно пожав плечами, она отвернулась.

Выглядела она очень элегантно: длинное золотистое платье с зеленым отливом, на шее знаменитые боснийские жемчуга, в ушах длинные, жемчужные же, серьги.

Мистер Саттертуэйт нечаянно подслушал разговор о ней двух мужчин.

- Вон идет та самая Царнова, - сказал один. - Отлично сохранилась, а? И, надо сказать, королевский подарок неплохо на ней смотрится!

Второй, маленький человечек с явно иудейскими чертами лица, с любопытством уставился ей вслед.

- Так это и есть боснийские жемчуга? - спросил он. - En verite <Поистине! (фр.)>. Как странно! - И тихонько хихикнул про себя.

Дальше мистер Саттертуэйт слушать не мог, потому что в этот момент случайно повернув голову, к своему удовольствию, узнал в одном из посетителей казино своего старого приятеля.

- Мистер Кин, дорогой вы мой! - Он принялся горячо трясти его руку. - Я и мечтать не мог вас здесь встретить! Смуглое лицо мистера Кина осветилось улыбкой.

- Не удивляйтесь, - сказал он. - Сейчас ведь карнавал <Карнавал в Западной Европе проходит накануне Великого поста и соответствует русской масленице.>, а в это время я бываю здесь довольно часто.

- Правда? Как замечательно!.. Послушайте, стоит ли нам здесь оставаться? По-моему, тут душновато.

- Да, пожалуй, приятнее будет пройтись, - согласился мистер Кин. - Спустимся в сад.

Выйдя на улицу, оба с жадностью вдохнули свежий воздух.

- Видите, как хорошо, - сказал мистер Саттертуэйт.

- Гораздо лучше, - подтвердил мистер Кин. - И можно спокойно поговорить. У вас ведь найдется, что мне рассказать?

- Да, кое-что есть.

И мистер Саттертуэйт с наслаждением погрузился в тонкости собственного повествования. Как всегда, он немного щеголял своим умением передать атмосферу. Графиня, юный Франклин, непреклонная Элизабет - все вскоре ожили под его быстрыми и точными штрихами.

- Вы несколько изменились с тех пор, как я увидел вас впервые, - выслушав отчет, с улыбкой сказал мистер Кин.

- В какую сторону?

- Прежде вам довольно было того, что вы просто наблюдали за развитием сюжета, а теперь... Теперь вы сами хотите быть участником драмы, играть роль.

- Да, - признался мистер Саттертуэйт. - Но, честно сказать, сейчас я просто не знаю, что тут можно сделать. Может быть, - он запнулся, - вы мне поможете?

- С удовольствием, - сказал мистер Кин. - Подумаем, что можно сделать.

И мистер Саттертуэйт вдруг ощутил странное чувство покоя и надежности.

На следующий день он представил своему другу мистеру Арли Кину Франклина Руджа и Элизабет Мартин. Он был рад видеть молодых людей снова вместе. О графине речь не заходила, но за обедом он услышал новость, которая его очень заинтересовала.

- Сегодня вечером в Монте приезжает Мирабель, - взволнованно сообщил он мистеру Кину.

- Та самая парижская актриса?

- Да. Последняя фаворитка короля Боснии - о чем вы, впрочем, без меня наверняка знаете, это ведь ни для кого не секрет. Он просто осыпал ее драгоценностями! И вообще, говорят, что она самая дорогостоящая и самая экстравагантная женщина в Париже.

- Интересно будет понаблюдать, как они встретятся сегодня с графиней Царновой.

- Вот именно.

Мирабель оказалась высокой, стройной, прелестной крашеной блондинкой, с нежнейшей кожей бледно-розового оттенка и ярко-оранжевыми губами. Она выглядела чрезвычайно эффектно: наряд ее напоминал оперенье райской птицы, на голой спине болтались драгоценные ожерелья, а левую лодыжку обхватывал тяжелый браслет с огромными сверкающими бриллиантами.

В казино она произвела настоящий фурор.

- Вряд ли вашей графине удастся ее перещеголять, - шепнул мистер Кин на ухо мистеру Саттертуэйту.

Тот кивнул. Ему было любопытно посмотреть, как поведет себя графиня.

Она явилась поздно. Пока она равнодушно шествовала к одному из центральных столов, по залу пробежал шепот.

Она была вся в белом - такие белые марокеновые <Марокен - вид плотной шелковой ткани.> платья строгого покроя шьют обычно девицам на первый выход в свет. На восхитительно белой шее и руках не было ни единого украшения.

- Что ж, неглупо, - с невольным уважением произнес мистер Саттертуэйт. - Она отказывается от соперничества - и тем самым как бы поднимается над своей соперницей.

Вскоре он и сам подошел к тому же столу в центре зала. Время от времени он развлечения ради делал ставки - иногда выигрывал, но чаще все же проигрывал.

Без конца выпадала третья дюжина - то 31, то 34. Все лихорадочно принялись ставить на последние номера.

Улыбаясь, мистер Саттертуэйт сделал последнюю на сегодня ставку - максимум на 5.

Графиня, в свою очередь, наклонилась над столом и поставила максимум на 6.

- Faites vos jeux! - хрипло выкрикивал крупье. - Rien ne va plus. Plus rien <Делайте ваши ставки! Прием ставок окончен! Все ставки сделаны! (фр.)>.

Весело подпрыгивая, шарик побежал по кругу. "Каждый из нас играет сейчас в свою игру, - мелькнуло у мистера Саттертуэйта. - Для одних это муки надежды и отчаяния, для других - пустое развлечение. Одних одолевает скука, другие замерли между жизнью и смертью".

- Стоп!

Крупье склонился над рулеткой.

- Numero cinque, rouge, impair et manque <Номер пять, красное, нечет и начало (фр.)>.

Мистер Саттертуэйт выиграл!

Крупье сгреб лопаточкой ставки и пододвинул их к мистеру Саттертуэйту. Мистер Саттертуэйт протянул руку за выигрышем. Графиня тоже. Крупье перевел взгляд с одного на другую.

- A Madame <Выиграла мадам (фр.)>, - объявил он.

Графиня забрала деньги - мистер Саттертуэйт как джентльмен отступил. Графиня пристально посмотрела на него, он ответил тем же. Двое-трое из стоящих рядом пытались указать крупье на ошибку, но тот лишь нетерпеливо отмахнулся: решение принято, разговор окончен. И хриплый голос опять пронзительно выкрикивал;

- Fakes vos jeux, Messieurs et Mesdames <Делайте ставки, господа и дамы (фр.)>. Мистер Саттертуэйт разыскал мистера Кина. Несмотря на проявленную выдержку, в душе он кипел от возмущения.

Мистер Кин выслушал его сочувственно.

- Да, неприятно, - сказал он. - Но такое случается иногда... Кстати, попозже мы договорились встретиться с вашим другом Франклином Руджем. Я решил дать сегодня небольшой ужин.

Все трое встретились в полночь, и мистер Кин изложил свой план.

- Организуем так называемый "ужин-сюрприз", - объяснил он. - Мы договариваемся о месте встречи, потом расходимся в разные стороны, и каждый должен пригласить на ужин первого, кто ему встретится.

Франклин Рудж был в восторге.

- А если он не согласится?

- Призовите на помощь все свое красноречие.

- Ясно. Где встречаемся?

- Тут неподалеку есть одно кафе, называется "Le Caveau" <Погребок (фр.)>. Обстановка там непринужденная, так что можно приглашать кого угодно.

Он объяснил, как туда пройти, и все трое направились в разные стороны. Мистеру Саттертуэйту повезло: он наткнулся на Элизабет Мартин и тотчас же ее ангажировал. Вскоре они разыскали кафе под названием "Le Caveau" и спустились в небольшой подвальчик, где уже стоял накрытый на шестерых стол и горели свечи в старомодных подсвечниках.

- Мы первые, - объявил мистер Саттертуэйт. - А вот и Франклин... - и осекся.

Франклин вел графиню. Создалась несколько щекотливая ситуация. Элизабет явно не мешало быть полубезнее. Графиня, однако, как дама светская, держалась безупречно.

Последним прибыл мистер Кин, в сопровождении низенького темноволосого человечка в приличном костюме, лицо которого показалось мистеру Саттертуэйту знакомым. Через минуту он узнал: это был тот самый крупье, что допустил сегодня вечером такую непростительную оплошность.

- Позвольте познакомить вас, мосье Пьер Воше, - обратился мистер Кин к компании.

Человечек как будто смутился, но мистер Кин совершил церемонию представления легко и спокойно. Ужин оказался отменным, к нему подали превосходное вино, и атмосфера за столом постепенно становилась менее натянутой. Графиня в основном молчала, Элизабет тоже, зато не умолкая говорил Франклин Рудж. Он рассказал уже множество историй - правда, скорее поучительных, чем забавных. Мистер Кин прилежно наполнял бокалы.

- Вот я вам сейчас расскажу совершенно правдивую историю о человеке, который сумел добиться в жизни успеха, - важно произнес Франклин Рудж.

Для выходца из страны, в которой действовал сухой закон <Сухой закон - имеется в виду федеральный закон, запрещавший в США в период 1920 - 1933 годов производство и продажу спиртных напитков.>, он был не так уж слаб по части шампанского.

Правдивая история изобиловала множеством ненужных подробностей и оказалась, как и большинство правдивых историй, гораздо скучнее любого вымысла.

Едва он закончил, дремавший напротив Пьер Воше, который также успел воздать должное шампанскому, встрепенулся и придвинулся ближе к столу.

- Я тоже хочу рассказать вам одну историю, - заплетающимся языком проговорил он. - Но только это будет история о человеке, который не добился в жизни успеха. Наоборот, он катился вниз. И это тоже - совершенно правдивая история.

- Так расскажите ее, мосье, - вежливо попросил мистер Саттертуэйт.

Пьер Воше откинулся в кресле и возвел глаза к потолку.

- История эта начинается в Париже. Там проживал один человек, ювелир. Был он тогда

молод, беззаботен и трудолюбив. Ему прочили неплохое будущее. Уже готовилась для него подходящая партия: и невеста как будто не уродина, и приданое за ней приличное. И что вы думаете? Однажды утром он встречает девушку - этакое жалкое, несчастное создание. Уж не знаю, чем она его взяла. Может, конечно, красотой - трудно сказать: слишком ее шатало от голода. Но, как бы то ни было, наш герой был не в силах противостоять ее чарам. О, не подумайте, она была вполне добродетельна, вот только никак не могла найти работу! Во всяком случае, так она ему сказала, а уж правда это или ложь - никому не известно.

Неожиданно из полутьмы раздался голос графини:

- Почему это должно быть ложью? Таких несчастных везде сколько угодно.

- Так вот, молодой человек, как я уже сказал, ей поверил - и женился на ней. Уж поистине, глупее ничего нельзя было придумать! Его родные не пожелали с ним после этого знаться, так как этим поступком он выказал свое к ним неуважение. Однако, женившись на... Жанне - назовем ее так, - он совершил акт милосердия. Он так ей и сказал. Ему казалось, что она должна быть ему благодарна - ведь он стольким для нее пожертвовал!

- Прекрасное начало для семейной жизни бедной девушки, - язвительно заметила графиня.

- Да, он любил ее, но иногда она доводила его просто до бешенства. У нее бывали приступы дурного настроения. И тогда она была с ним холодна, а на другой день вдруг загоралась страстью. Наконец он все понял. Она никогда не любила его! Она вышла за него, просто чтобы выжить... Ему было горько, очень горько, но он изо всех сил старался заглушить в себе обиду. И он все еще думал, что заслуживает ее благодарности и послушания... Последовала размолвка. Она засыпала его упреками - Mon Dieu <Боже мой! (фр.)>, в чем только она его не упрекала!..

Ну, а дальше вы уже, наверное, догадались. Случилось то, что и должно было случиться. Она ушла от него. Два года он прожил в полном одиночестве, ничего о ней не зная. У него остался единственный друг - абсент <Абсент - полынная водка.>. Он работал, конечно, но дела в его маленькой мастерской шли кое-как.

И вот однажды он вошел в свою мастерскую и увидел ее. Она сидела и ждала его. Она была одета как на картинке, на пальцах сверкали перстни с драгоценными камнями. Он застыл. О, как колотилось его сердце! Он не знал, как ему быть. Он готов был и убить ее на месте, и заключить в объятия, и швырнуть на пол и топтать ногами, готов был сам броситься к ее ногам... Но ничего этого он не сделал. Вместо этого он взял пинцет и сел за работу. "Что угодно мадам?" - сухо спросил он.

Для нее это было как пощечина. Она ведь не этого от него ждала. "Пьер, - сказала она. - Я вернулась". Он отложил пинцет и взглянул на нее. "Ты хочешь, чтобы я простил тебя?" - спросил он. - "Чтобы снова взял тебя к себе? Ты искренне раскаиваешься?" - "А ты хочешь, чтобы я вернулась?" - тихо-тихо, еле слышно спросила она.

Он чувствовал, что она готовит ему ловушку. Ему хотелось схватить ее, прижать к себе - но он был уже научен горьким опытом. Он притворился равнодушным.

"Я христианин, - сказал он, - и стараюсь поступать так, как велит мне Церковь". "О, - подумал он, - я унижу ее, я поставлю ее на колени!.."

Но Жанна - будем звать ее так - откинула голову и рассмеялась. Поверьте, это был

сатанинский смех! "Ах ты, глупенький мой Пьерушка! - сказала она. - Я же просто хотела тебя подразнить! Взгляни на мое богатое платье, взгляни на эти перстни и браслеты. Мне захотелось немного перед тобой покрасоваться. Я ждала, что ты кинешься меня обнимать, и вот тогда я плюнула в твою рожу и сказала бы, как я тебя ненавижу!"

И она быстро вышла из мастерской. Вот, господа, поверите ли вы, что женщина может быть так порочна? Что она вернулась лишь за тем, чтобы оскорбить меня?

- Нет, - сказала графиня. - Я не поверю. Поверит только слепой дурак. Впрочем, все мужчины слепые дураки. Пьер Воше продолжал, не обращая на нее внимания.

- И вот молодой человек, о котором я рассказываю, стал опускаться все ниже и ниже. Он все больше пил. Мастерскую его продали за долги. Он превратился в настоящего оборванца. А потом началась война <Имеется в виду Первая мировая война 1914 - 1918 годов.>. Только война и спасла его! Она выудила его из трущоб и отучила быть скотом, она вымуштровала и отрезвила его. Он вынес все: холод, боль, смертный страх - и все же не умер, и, когда война кончилась, он снова был человеком.

И тогда, господа, он направился на юг. Его легкие были отравлены газом, и ему сказали, что на юге ему будет лучше. Он перепробовал много занятий - но не стану докучать вам подробностями. Достаточно сказать, что в конце концов он стал крупье, и вот однажды вечером в казино он снова встретил ее - женщину, разрушившую его жизнь. Она не узнала его, зато он узнал. Казалось, что она богата, что у нее есть все, - но, господа, у крупье глаз наметанный!.. И наступил вечер, когда она сделала последнюю в своей жизни ставку. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю. Просто знаю, и все. Чувствую. Мне могут возразить: у нее, мол, столько платьев, их можно заложить... Но заложить платья - нет! Это же конец репутации, полный крах! Драгоценности? Опять-таки нет. Разве не был я в свое время ювелиром? Настоящие драгоценности давным-давно уплыли. Королевские жемчуга распроданы по одному и заменены поддельными. Кушать-то надо, и по счетам в отеле извольте платить! Есть, конечно, богатые мужчины - так они видят ее здесь уже много лет. Фи, говорят они, ей же за пятьдесят! За деньги можно присмотреть что-нибудь помоложе...

От окна, где сидела графиня, донесся сдавленный вздох.

- Да, это был роковой момент в ее жизни. Я следил за ней два вечера. Она все проигрывала и проигрывала. И вот конец. Она ставит все, что у нее есть, на один номер. Рядом с нею английский милорд тоже ставит максимум, на соседний номер. Шарик бежит, бежит... Все, она проиграла...

Но наши взгляды встречаются. И что же я делаю? Я рискую своим местом в казино и обманываю английского милорда. "А Madame", - говорю я и отдаю деньги ей.

- Ах! - Послышался звон стекла: графиня вскочила на ноги и, наклонившись над столом, нечаянно смахнула свой бокал.

- Но зачем? - вскричала она. - Зачем ты это сделал, вот что я хотела бы знать?

Повисла долгая пауза, которая, казалось, не кончится никогда, а они все смотрели и смотрели друг на друга через стол... Это было похоже на дуэль.

Наконец недобрая улыбочка исказила лицо Пьера Воше.

- Мадам, - воздев руки к потолку, сказал он. - Существует такое понятие, как жалость...

- Ах, вот как!..

И графиня снова откинулась в кресле.

- Понятно.

Она уже спокойно улыбалась и была опять сама собою.

- Действительно занятная история, правда, мосье Воше? Позвольте, я помогу вам прикурить.

Она ловко скрутила бумажный жгутик, зажгла его от свечи и протянула ему. Он нагнулся к ней через стол, и пламя коснулось кончика его сигареты.

Неожиданно она поднялась.

- А теперь мне нужно уйти. Пожалуйста, не провожайте меня.

Никто и опомниться не успел - а ее уже не было. Мистер Саттертуэйт поспешил было за ней, но его остановило испуганное восклицание француза:

- Разрази меня гром!

Он не сводил глаз с полуобгоревшего жгутика, который графиня бросила на стол. Наконец он его развернул.

- Mon Dieu! - пробормотал он. - Банкнота в пятьдесят тысяч франков! Понимаете? Это же ее сегодняшний выигрыш, это все, что у нее было! И она предложила мне от нее прикурить!.. Потому что она была слишком горда и не хотела ничьей жалости. О, она всегда была дьявольски горда... Прекрасна... Неподражаема!..

Он вскочил на ноги и бросился вслед за нею. Мистер Саттертуэйт с мистером Кином тоже поднялись. Официант невозмутимо приблизился к Франклину Руджу.

- La note, monsieur <Счет, мосье (фр.)>, - невозмутимо пропел он. Но мистер Кин вовремя подоспел на выручку и выхватил у официанта листок.

- Элизабет, что-то мне тут тоскливо, - пожаловался Франклин Рудж. - Бред какой-то!... От этих иностранцев у меня голова идет кругом. Не понимаю я их.

Он обернулся к ней.

- Ха, до чего же приятно видеть перед собой хоть одно нормальное, родное, американское лицо. - Голос его стал по-детски жалобным. - Эти иностранцы все такие..., чудные.

Молодые люди поблагодарили мистера Кина и скрылись в темноте. Мистер Кин принял у официанта сдачу и улыбнулся мистеру Саттертуэйту. Последний довольно и несколько свысока глядел по сторонам, как сокол после удачной охоты.

- Что ж, - сказал он. - Вечер прошел прекрасно. Думаю, с нашей парочкой теперь все будет в порядке.

- С которой? - спросил мистер Кин.

- То есть как? - Мистер Саттертуэйт несколько опешил. - Хотя... Хотя, возможно, вы и правы - учитывая заразительность примера, и вообще...

Он окончательно смутился.

Мистер Кин улыбнулся, и витраж за его спиной на миг облачил его фигуру в пестрое одеяние, сотканное из разноцветных бликов.

Впервые опубликовано в середине XX века